

Чичерин Борис Николаевич

**Положительная философия и
единство науки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 50
ББК 22
Б82

Б82 **Борис Николаевич Ч.**
Положительная философия и единство науки / Чичерин Борис Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 432 с.

ISBN 978-5-521-30406-6

ISBN 978-5-521-30406-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	1
I. Основной законъ	5
II. Математика	25
III. Физическія науки	76
IV. Біологія	127
V. Соціологія	195
VI. Единство науки	305
Опытъ классификаціи животныхъ (въ приложеніи)	1—90

Положительная философія и единство науки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Разборъ положительной философіи Огюста Конта имѣетъ въ настоящее время не одинъ только историческій или случайный интересъ. Изъ всѣхъ мыслителей реалистической школы Контъ единственный, который поставилъ вопросъ между опытною наукою и метафизикою на настоящую почву. И до него и послѣ него этотъ вопросъ обсуждался преимущественно съ логической стороны. Приверженцы опыта отвергали метафизику, какъ пустую игру словъ, лишенную всякихъ положительныхъ основаній и неспособную объяснить явленія; защитники метафизики, съ своей стороны, доказывали логическую несостоятельность или недостаточность чистаго эмпиризма. Контъ поставилъ себѣ совершенно иную задачу: онъ одну за другою перебралъ всѣ положительныя науки и на фактическихъ результатахъ хотѣлъ показать, что дало и что можетъ дать положительное знаніе, каковы его методы и его границы, и какія наконецъ требованія можно предъявить ко всякому положенію, которое выдаетъ себя за научную истину. Когда не только противники положительной философіи, но и

мыслители, принадлежащіе къ тому же направленію, какъ Спенсеръ, утверждаютъ, что Контъ не высказалъ ничего новаго, а повторилъ лишь то, что говорили прежде него теоретики эмпиризма и что уже давно было признано въ естественныхъ наукахъ, то съ этою оцѣнкою нельзя согласиться. Теорія эмпиризма, безъ сомнѣнія, существовала прежде Конта; у Бэкона, Гоббеса, Локка и Юма можно найти полное ея развитіе. Съ своей стороны, естественныя науки издавна руководствовались опытомъ. Но никто, ни прежде Конта, ни послѣ, не пытался связать эти двѣ стороны научнаго познанія, основавъ самую теорію на фактическомъ ея приложеніи. А это именно то, что требовалось. Только этимъ путемъ можно было показать истинныя основанія положительнаго знанія и избѣгнуть тѣхъ фантастическихъ построеній, которыя въ новѣйшее время выдають себя за положительную философію, хотя ровно ничего положительнаго въ себѣ не заключаютъ, какъ напримѣръ Логика Милля, система Спенсера или бредни неощеллиніанизма. Самъ Контъ, какъ увидимъ далѣе, не умѣлъ обойти этотъ подводный камень, какъ скоро онъ, не довольствуясь изученіемъ упроченныхъ научныхъ истинъ, захотѣлъ создать собственную свою науку,—соціологію.

И въ настоящее время выбранная Контомъ почва есть единственная, на которой споръ между эмпиризмомъ и метафизикою можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Этотъ споръ возобновляется нынѣ съ новою силою. Господствующій въ наше время реализмъ высказался вполнѣ; его границы и недостатки становятся слишкомъ ощутительными. Но бороться съ одностороннимъ направленіемъ можно, только изучивши его въ его дѣйствительныхъ проявленіяхъ. Пока дѣло ограничивается теоретическимъ разборомъ эмпиризма, можно препираться безъ конца. Чтобы опровергнуть его, надобно знать, что онъ далъ и что онъ способенъ дать, а это возможно лишь изслѣдованіемъ методы и результатовъ опытныхъ наукъ. Только этимъ способомъ можно опредѣлить, что такое положительное,

т.-е. точное и достовѣрное знаніе, и что требуется отъ всякаго знанія для того, чтобъ оно могло назваться положительнымъ, слѣдовательно, имѣть научное значеніе. Въ этомъ отношеніи разборъ философіи Конта можетъ принести существенную пользу. Слѣдуя за нимъ и пополняя его выводы тѣмъ, что сдѣлано въ позднѣйшее время, можно опредѣлить основанія, методы и результаты положительныхъ наукъ и тѣмъ самымъ установить на прочномъ фундаментѣ начала научнаго познанія.

Но Контъ пошелъ еще далѣе. Онъ не довольствовался изслѣдованіемъ отдѣльныхъ наукъ, онъ хотѣлъ произвести ихъ объединеніе. Такая задача составляетъ безспорно высшую цѣль умственнаго развитія человѣчества. Къ этому всегда стремилась философія. Всякая философская система пыталась совершить это объединеніе на основаніи тѣхъ началъ, на которыхъ она строила свое міросозерцаніе. Однако всѣ эти попытки, вслѣдствіе своей односторонности, оказывались несостоятельными. Матеріалистическая философія въ извѣстной степени удовлетворяла физиковъ, которые усвоили себѣ выработанныя ею понятія о матеріи и объ атомахъ; но явленія, касающіяся человѣческаго сознанія, не только оставались вполнѣ необъясненными, но подвергались съ этой точки зрѣнія коренному искаженію. Съ своей стороны, спиритуалистическая, а также идеалистическая философія не въ состояніи была объяснить явленія физическаго міра; естествоиспытатели не хотѣли о ней знать. Отсюда происшедшее на нашихъ глазахъ паденіе метафизики, паденіе, которое въ значительной степени оправдывалось самою постановкою вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, если опытъ долженъ служить окончательною провѣркою метафизики, мѣриломъ заключающейся въ ней истины, то естественно начать съ другаго конца. вмѣсто того чтобы строить скороспѣлыя теоріи, которыя не находятъ подтвержденія въ фактахъ, надобно начать съ изученія самихъ фактовъ и стараться возвести ихъ къ эмпирическому единству. Это и пытался сдѣлать Контъ. „Свести въ одно цѣльное, одно-

родное учение совокупность приобретенных знаний относительно различных разрядовъ естественныхъ явленій“—такова задача, которую онъ ставитъ положительной философіи *). Положительнымъ онъ называетъ то, что основано на прочно установленныхъ фактахъ (I, 104).

Эту задачу онъ считаетъ однако неисполнимою путемъ подведенія всѣхъ явленій подъ одинъ общій законъ. Онъ сомнѣвается даже, чтобы въ будущемъ наука могла дойти до такого совершенства; во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ объ этомъ нечего и думать (I, 53). Но не гоняясь за химерическимъ единствомъ, можно довольствоваться приложеніемъ къ изученію различныхъ областей знанія одинакой методы изслѣдованія и установленіемъ ученія, если не единого, то однороднаго (*homogène*, I, 55). По мнѣнію Конта, такое объединеніе уже совершилось въ области естествовѣдѣнія. Остается тѣ же приемы и взгляды приложить къ наукамъ, касающимся человека. Связать всѣ эти науки, построивъ ихъ на началахъ положительныхъ — такова цѣль, которую онъ себѣ поставилъ; съ достиженіемъ ея должно завершиться зданіе положительной философіи.

На сколько онъ успѣлъ въ исполненіи этой задачи, мы увидимъ далѣе. Замѣтимъ только, что у Конта не совсѣмъ ясно, что слѣдуетъ разумѣть подъ однородностью ученія въ отличіе отъ методы. Если это означаетъ, что изучаемыя явленія должны быть признаны однородными, то на такое утвержденіе положительная философія не имѣетъ ни малѣйшаго права. Считать явленія однородными, не смотря на коренное различіе признаковъ, значитъ признать въ нихъ общую сущность, а по ученію Конта мы сущностей вовсе не знаемъ. Если же явленія разнородны, то нельзя заранѣе сказать, что ко всѣмъ имъ приложима одинакая метода изслѣдованія. Все, что можно сдѣлать, держась началъ положительной философіи, это попытаться распространить методу опыт-

*) Cours de Philosophie Positive I, стр. 52. Цитую вездѣ первое изданіе.

ныхъ наукъ на предметы умственного и нравственного міра и посмотрѣть, на сколько, при настоящемъ положеніи знанія, возможно сведеніе ихъ къ эмпирическому единству. Съ этой точки зрѣнія, попытка Конта заслуживаетъ полнаго вниманія. Безъ сомнѣнія, многое въ ней устарѣло: съ того времени въ наукѣ накопилось громадное количество новаго матеріала. Но именно вслѣдствіе этого накопленія матеріала теперь болѣе, нежели когда-либо, необходимо осмотрѣться въ этой массѣ и стараться свести полученные результаты къ общему итогу. Разбирая ученіе Конта и сравнивая его съ новѣйшими данными, можно будетъ видѣть, до какой степени современная наука успѣла приблизить насъ къ указанному имъ идеалу.

I.

Основной законъ.

Основаніе, на которомъ Огюсть Контъ строитъ все свое философское зданіе, состоитъ въ провозглашенномъ имъ законѣ постепеннаго развитія человѣческой мысли. По его ученію, человѣческій умъ въ своемъ развитіи необходимо проходить черезъ три преемственныхъ состоянія: богословское, метафизическое и положительное. Въ первомъ всѣ явленія природы представляются дѣйствіями живыхъ существъ, или боговъ. Во второмъ эти живыя существа замѣняются метафизическими сущностями, которыя признаются способными произвести наблюдаемые явленія. Въ третьемъ, наконецъ, человѣческій умъ, оцѣнивъ свои силы, совершенно отказывается отъ познанія сущностей и довольствуется изслѣдованіемъ взаимныхъ отношеній наблюдаемыхъ явленій, по ихъ послѣдовательности и сходству. Первый способъ пониманія характеризуетъ младенческое состояніе ума, послѣдній—его зрѣлость; средній же самъ по себѣ не имѣетъ значенія и служитъ только переходною ступенью между двумя остальными (I, 3—5).

Доказательствомъ этого взгляда, составляющаго исход-

ную точку всей теоріи, должно служить историческое изслѣдованіе развитія человѣческой мысли, которымъ Огюсть Контъ завершаетъ свой курсъ. Поэтому и критика, съ своей стороны, можетъ представить подробный анализъ основаній этой теоріи только при разборѣ социологіи. Однако и здѣсь уже нельзя не сказать, что исторія отнюдь не оправдываетъ подобнаго вывода. Фактически мы имѣемъ два главныхъ періода научнаго развитія: древній и новый. Въ древности мысль дѣйствительно отправляется отъ религіозной точки зрѣнія, затѣмъ, становясь на философскую почву, переходитъ къ метафизикѣ, а отъ послѣдней, въ періодъ софистики, въ свою очередь, переходитъ къ изученію явленій, провозглашая, какъ основное начало, что явленіе есть истина, и ограничивая познаніе однимъ относительнымъ. Но на этомъ человѣческой разумъ не останавливается: отъ изученія явленій онъ снова возвращается къ метафизикѣ, а отъ метафизики къ богословію. Въ средніе вѣка философія опять уступаетъ мѣсто религіи. Такимъ образомъ чисто-философское развитіе древней мысли лежитъ между двумя богословскими періодами, а господство положительной точки зрѣнія между двумя метафизическими эпохами. Умственное движеніе новаго времени еще не закончило своего круговорота. И тутъ опять, отрѣшаясь отъ богословскихъ воззрѣній, мысль переходитъ сначала къ метафизикѣ, а затѣмъ къ положительной точкѣ зрѣнія; но мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что она на этомъ остановится. Напротивъ, судя по аналогіи съ древнимъ міромъ, мы должны полагать, что за развитіемъ положительной философіи послѣдуетъ новый метафизическій періодъ, а затѣмъ новый богословскій. Ниже мы подробнѣе изслѣдуемъ этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, изучая совокупность умственнаго движенія въ человѣчествѣ, нѣтъ возможности признать выведенный Контомъ законъ положительнымъ результатомъ исторической науки. Здѣсь обрывокъ закона выдается за начало, господствующее въ цѣломъ процессѣ, способъ дѣйствія менѣе всего допустимый въ положительномъ

знаніи, котораго вся сила заключается въ точности и достовѣрности.

Столь же неосновательна и другая ссылка Огюста Конта на развитіе личнаго сознанія. Онъ увѣряетъ, что всякій человѣкъ въ дѣтствѣ былъ богословомъ, въ молодости метафизикомъ и наконецъ становится физикомъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ (I, 3). Не говоря уже о томъ, что подобныя неопредѣленныя ссылки не имѣютъ никакого значенія въ наукѣ, въ дѣйствительности извѣстны многочисленные примѣры совершенно инаго развитія. Множество людей, въ томъ числѣ и великіе мыслители, отрекались отъ религіи въ своей молодости и снова возвращались къ ней въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Извѣстно изреченіе перваго теоретика опытной metody, Бэкона, что немного философіи отвращаетъ отъ религіи, а болѣе глубокая философія возвращаетъ къ ней. Этимъ поворотомъ характеризуются даже цѣлыя эпохи умственнаго развитія. Такъ, за безвѣріемъ XVIII вѣка наступила пора религіозной реакціи.

Такимъ образомъ самое первое основаніе, на которомъ Огюстъ Контъ строить все свое научное зданіе, не выдерживаетъ критики. Его положительная философія стоитъ на фундаментѣ вовсе не положительномъ и далеко не научномъ.

Такая ложная точка исхода не могла не отразиться пагубно на всемъ ходѣ мыслей и на всемъ содержаніи ученія. Отсюда проистекло прежде всего полное непониманіе религіи и философіи. Первая, по мнѣнію Конта, представляетъ не болѣе, какъ младенческую попытку объяснить явленія природы дѣйствіемъ высшихъ существъ, вторая — ничтожный призракъ, временно занимающій опустѣвшее мѣсто, когда богословскія фантазіи исчезли, а человѣкъ не пришелъ еще къ убѣжденію, что оставленное ими мѣсто для него вѣчно должно оставаться пусто. „Замѣчательно,— говоритъ Контъ, что вопросы, самымъ кореннымъ образомъ недоступные нашимъ средствамъ, внутренняя природа вещей, начало и конецъ всѣхъ явленій, суть именно тѣ, кото-

рые нашъ умъ прежде всего ставитъ себѣ въ этомъ первобытномъ состояніи“ (I, 10). Контъ объясняетъ это тѣмъ, что только долговременный опытъ могъ показать намъ размѣръ нашихъ силъ и заставить насъ исключить изъ области нашего вѣдѣнія всѣ эти высокія тайны, которыя богословіе разрѣшаетъ такъ легко. Его не поражаетъ это странное противорѣчіе человѣческаго разума, который, по самой своей природѣ, изначала ставитъ себѣ неразрѣшимыя для него задачи, и притомъ не праздныя, а имѣющія глубочайшее значеніе для всего внутренняго существа человѣка, для его разума, чувства и воли. Мы видимъ въ исторіи, что люди не только ставятъ себѣ эти вопросы, но готовы отдать за нихъ свою жизнь. Именно эти недоступныя разуму задачи становятся движущими пружинами историческаго развитія человѣчества. Какое же понятіе можно имѣть объ исторіи при такомъ чисто-отрицательномъ отношеніи къ дѣйствующимъ въ ней силамъ? Когда положительная наука приступаетъ къ изученію физическаго развитія единичной особи или даже цѣлаго царства растений или животныхъ, она не смотритъ на начала, управляющія этими процессами, какъ на пустую и праздную игру воображенія; напротивъ, даже когда эти начала для нея непонятны, она все-таки признаетъ ихъ объективную истину. Къ одному духовному развитію она приступаетъ съ предвзятымъ отрицаніемъ самыхъ существенныхъ его сторонъ. Безъ всякаго разбора и безъ малѣйшаго доказательства, духовное развитие прямо приравнивается къ физическому. Явленія признаются хотя не тождественными, но *однородными*, вслѣдствіе чего органическая физика раздѣляется на два отдѣла: на физиологію въ собственномъ смыслѣ и на *общественную физику*, основанную на первой (I, 94). Нельзя болѣе легкомысленнымъ образомъ рѣшать важнѣйшіе вопросы. О научныхъ пріемахъ тутъ нѣтъ и помину.

При всемъ томъ Контъ понималъ, что съ положительной точки зрѣнія невозможно ограничиться такимъ чисто-отрицательнымъ взглядомъ на историческое значеніе отвергае-